

ВОПРОСЫ ВЫРАЗИТЕЛЬНОГО ЧТЕНІЯ.

— ❖ —

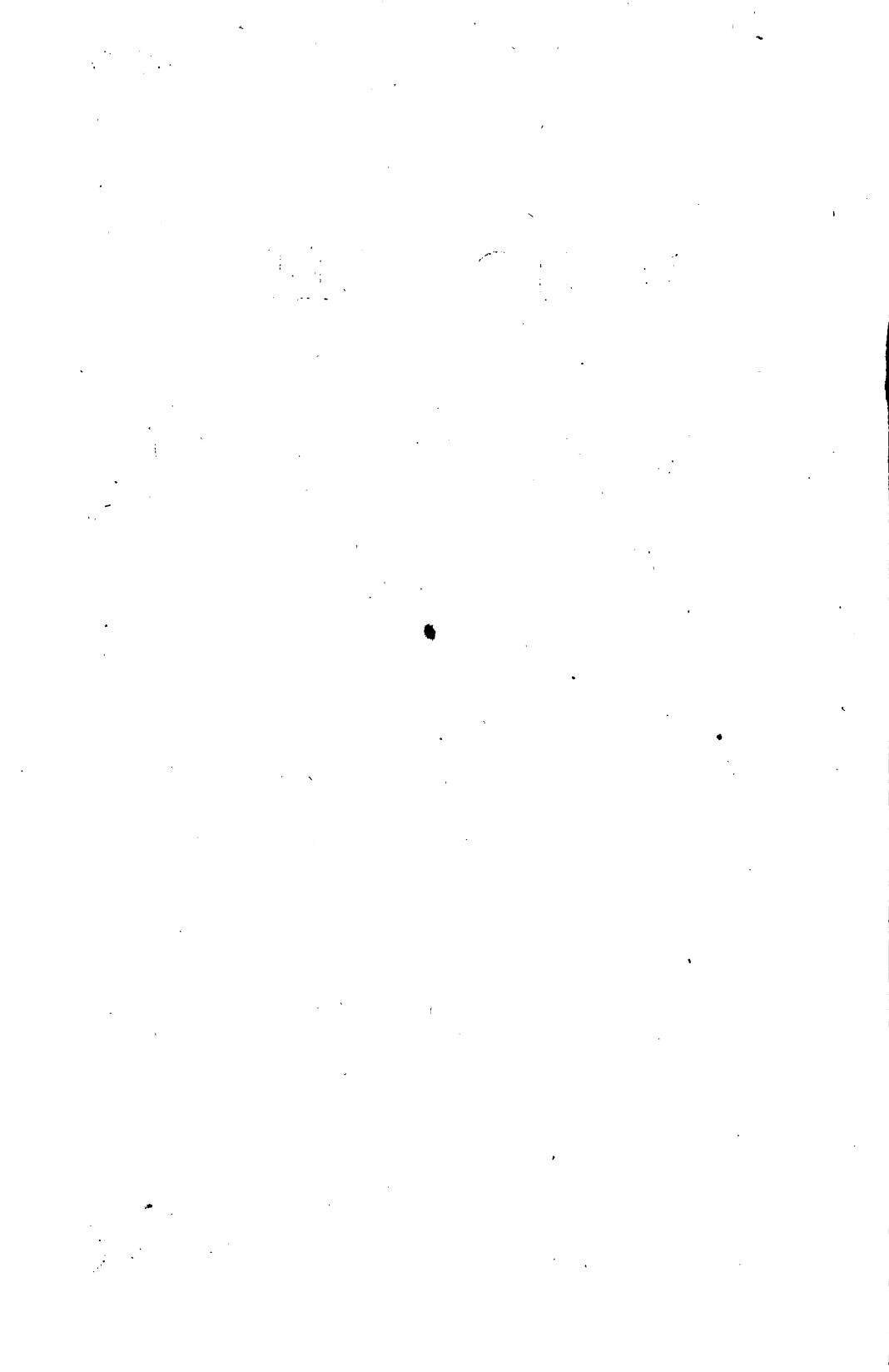
Ю. Э. Озаровскій.

— ❖ —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

1896.



ВОПРОСЫ ВЫРАЗИТЕЛЬНОГО ЧТЕНІЯ.

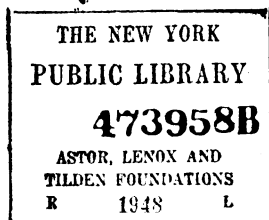


Ю. Э. Озаровскій.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1896.

Ж



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 декабря 1895 года.

Посвящается

Владими́ру Никола́евичу

Давы́д

У
Д
О
Л
Б

О В Ѹ.

[illegible]

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ настоящую книгу, я задался цѣлію представить на судъ публики опытъ самостоятельнаго изслѣдованія теоретическихъ основаній выразительнаго чтенія.

Я твердо вѣрю, что этой художественной отрасли, въ виду ея громаднаго общественнаго и воспитательнаго значенія, предстоитъ блестящее развитіе въ будущемъ, не ранѣе однако того времени, когда школа и, главнымъ образомъ, средняя школа включить ее въ свою учебную программу. Но для этого необходима теоретическая разработка основаній выразительнаго чтенія. Подобная же разработка, по моему мнѣнію, не можетъ быть произведена однимъ лицомъ—разомъ: недостаточно установить извѣстныя положенія, управляющія искусствомъ, необходимо провѣрить ихъ на фактахъ; необходимо, слѣдовательно, вести такую разработку постепенно, съ извѣстными промежутками времени, чтобы имѣть возможность установленное въ теоріи провѣрить на практикѣ. Вотъ почему монографическій способъ изслѣдованія, гдѣ изслѣдователь переходитъ отъ вопроса къ вопросу по мѣрѣ лишь всесторонняго ознакомленія съ даннымъ художественнымъ явленіемъ, я нашелъ, для осуществленія намѣченной цѣли, болѣе подходящимъ, нежели всякій

В. В. В. В.

другой, направленный на теоретическое изученіе опредѣленной художественной области во всемъ ея объемѣ.

Благодаря такому взгляду, установилось и самое содержаніе настоящей книги, представляющей собою *сборникъ написанныхъ въ различное время очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ вопросамъ выразительнаго чтенія.*

Я знаю, что мой трудъ несвободенъ отъ возможныхъ по сложности и новизнѣ дѣла недостатковъ: теоретическая разработка выразительнаго чтенія едва еще только заложена въ русской литературѣ; но смѣю думать, что какъ общіе художественные взгляды, положенные мною въ основаніе моего труда, такъ и отдѣльные спеціальные выводы, къ которымъ я пришелъ въ немъ, не останутся незамѣченными со стороны всѣхъ, интересующихся успѣхами теоретическаго изученія искусства выразительнаго чтенія.

Ю. О.



I.

Д. Коровяковъ. Искусство выразительнаго чтенія.

Опытъ систематическаго изложенія теоретическихъ основъ и
пріемовъ преподаванія. Спб. 1892 г.

(Критическая замѣтка).

Литература трактуемаго въ названной книгѣ вопроса у насъ весьма небогата: она исчерпывается какими-нибудь 3 — 4 отдѣльными сочиненіями да нѣсколькими журнальными статьями, и всякій новый опытъ въ этомъ направленіи долженъ быть встрѣченъ съ самымъ искреннимъ сочувствіемъ.

Въ искусствѣ выразительнаго чтенія мы видимъ громадное общественное значеніе; наша школа давно уже должна была бы придти на помощь обществу, среди котораго безспорно есть и любовь къ этому прекрасному искусству, да мало-по-малу, въ виду его профессиональнаго значенія, растетъ и потребность въ немъ. Въ этомъ отношеніи мы совершенно раздѣляемъ горячія стремленія автора разсматриваемой книги къ самой широкой пропагандѣ среди русскаго общества теоретическихъ основъ искусства выразительнаго чтенія, а чисто-научный методъ изученія этихъ основъ, которому онъ слѣдуетъ или, по крайней мѣрѣ, желаетъ слѣдовать въ своемъ трудѣ, — представляется намъ вполне раціональнымъ и заслуживаетъ самага внимательнаго къ себѣ отношенія. Нечего говорить, что, дѣйствительно, только подобный методъ и можетъ служить основаніемъ систематическаго изслѣдованія, посвященнаго любой

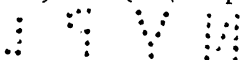
изъ художественныхъ отраслей, никогда не укладывающихся въ рамки точныхъ теоретическихъ кодексовъ и правилъ; и намѣреніе автора слѣдовать такому методу выгодно отличаетъ его книгу отъ нѣкоторыхъ предшествовавшихъ ей *руководствъ* выразительнаго чтенія. Но, какъ всегда, намѣреніе—намѣреніемъ, а выполненіе—выполненіемъ.

Искусство выразительнаго чтенія, по мнѣнію автора, опредѣляется на практикѣ условіями трехъ основныхъ типовъ: условіями *техническими, логическими и художественными* *).

Тѣ два отдѣла книги, которые посвящены авторомъ изслѣдованію первыхъ двухъ условій, отличаются достаточною полнотою, ясностью и опредѣленностью изложенія. Намъ думается только, что съ большею подробностью слѣдовало бы автору рассмотреть всѣ тѣ упражненія, какими опредѣляется осуществленіе разнообразныхъ требованій дикціи—при чтеніи. Правда, для насъ вполне очевидно, что въ планы автора не входило составленіе какого-либо руководства или пособия, однако «изложеніе приѣмовъ преподаванія»—какъ это видно изъ полного титула книги, — составляетъ не послѣднюю изъ задачъ ея. Дѣло обученія приѣмамъ выразительнаго чтенія находится у насъ въ такомъ еще рудиментарномъ состояніи, что полагать, что спеціальныя указанія могутъ восприниматься (какъ это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда методика извѣстнаго учебнаго предмета разработана подробно и всесторонне), что называется, съ намёка, конечно, нѣсколько неосторожно; напротивъ, возможная полнота и опредѣленность въ изложеніи диксическихъ приѣмовъ, при обиліи примѣровъ, могли бы только придать книгѣ практическую цѣнность.

Къ числу недочетовъ диксической части книги мы можемъ отнести также отсутствіе въ ней характеристики упражненій на различныя измѣненія въ тонированіи рѣчи при помощи трехъ основныхъ элементовъ его (сила, темпъ и высота тона) — упражненій, имѣющихъ помимо спеціального, то еще педагогическое значеніе, что они служатъ прекраснымъ средствомъ

*) Гл. I (общія опредѣленія), стр. 22.



для послѣдовательнаго перехода отъ чисто-техническихъ условій чтенія къ логическимъ и даже художественнымъ.

Но исключивъ эти недочеты, можно сказать, что отдѣлъ дикціи въ книгѣ г. Коровякова разработанъ достаточно систематично, доказательно, а главное, ясно, чего уже никакъ нельзя сказать о послѣдней части труда, трактующей художественныя условія выразительнаго чтенія; вѣрный принципъ, положенный авторомъ въ основу его изслѣдованія, не нашель для себя здѣсь приложенія... Положимъ, говорить въ книгѣ о такомъ живомъ и, слѣдовательно, трудно-поддающемся точному опредѣленію вопросѣ въ искусствѣ декламации, какъ специально художественная сторона его, — дѣло весьма и весьма нелегкое, но въ данномъ случаѣ причину неудачнаго осуществленія авторскаго намѣренія послужили, полагаемъ мы, не столько трудность теоретической разработки этой стороны искусства, сколько вообще тотъ ложный путь, на который сталъ г. Коровяковъ, задавшись цѣлью систематизировать свойства и явленія художественной рѣчи, не произведя предварительно сколько-нибудь научно-правильныхъ характеристикъ этихъ свойствъ и явленій, а между тѣмъ такой только путь и могъ-бы обезпечить указанному стремленію автора желаемый успѣхъ. Чтобъ не быть голословными, укажемъ на главы VIII—XII разсматриваемой книги, гдѣ авторъ въ систематическомъ порядкѣ старается ознакомить читателя съ условіями художественной стороны чтенія, но благодаря недостаточности и неполнотѣ опредѣленій, которыя онъ даетъ такимъ элементамъ чтенія, какъ: *колоритъ* (стр. 117), *ладъ* (стр. 117), *темъ* (разсматриваемый авторомъ какъ художественное явленіе (стр. 118—120), *степени тонированія* (стр. 122—126), *этическіе акценты* (стр. 126—127), — ознакомленіе это получаетъ характеръ какихъ-то спутанныхъ между собою, неразобщенныхъ и, какъ разъ наперекоръ намѣреніямъ автора, — безсистемныхъ свѣдѣній. Вотъ образчикъ такого ознакомленія:

«Помимо тѣхъ общихъ условій основнаго и частнаго окрашиваній, которыя мы разсматривали въ предыдущей главѣ

колоритъ даннаго періода требуетъ въ особенности вѣрнаго примѣненія лада и темна. Произнося выразительно отдѣльные слова, мы инстинктивно подбираемъ символически соотвѣтствующіе выражаемымъ понятіямъ тембры звуковъ самой рѣчи. При окрашиваніи же цѣлаго ряда словъ, эти звуки должны быть настроены въ извѣстномъ ладѣ, символически подходящемъ къ характеру колорита. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло уже съ цѣлымъ рядомъ звуковъ извѣстнаго тембра, поставленныхъ въ такія взаимныя отношенія, которыя образуютъ собою извѣстный ладъ или строй рѣчи символически присущій художественному содержанію ея.

«На фонѣ основныхъ окрашиваній, измѣненіе лада приближаетъ колоритъ къ тому или другому частному окрашиванію. Напримѣръ темное, глухое окрашиваніе въ положительномъ, мажорномъ ладѣ, пригодно для суровыхъ интонацій высоко-мѣрной, повелительной рѣчи; въ минорныхъ же ладахъ—то же глухое, темное окрашиваніе даетъ колоритъ удрученный, мрачно-горестный, близкій къ безнадежному отчаянію, и т. д. Въ томъ же самомъ горячемъ или живомъ основномъ окрашиваніи могутъ выражаться и яркія, веселыя, и горестныя, печальныя описанія и ощущенія, смотря по ладу рѣчи—положительному, мажорному или отрицательному, минорному. Однимъ словомъ ладъ есть одно изъ основаній, разнообразящихъ до безконечности виды интонацій, на фонѣ общихъ окрашиваній, съ цѣлью образной передачи тѣхъ или другихъ понятій, душевныхъ состояній или чувствъ.

«Ладъ тоже можетъ быть *основнымъ*, какъ выражающій общій характеръ даннаго художественнаго произведенія (особенно въ лирическихъ произведеніяхъ) или *частнымъ* для даннаго періода или его части. Сообразно измѣненію характера содержанія измѣняется и ладъ въ колоритѣ, такъ что одно и то же стихотвореніе, начиная, напримѣръ, съ ликующихъ, радостныхъ звуковъ, можетъ перейти въ ладъ печальный, грустный» (стр. 117—118).

Ясность содержанія приведенныхъ строкъ значительно вы-

играла-бы, если-бы авторъ далъ болѣе научное опредѣленіе понятію *колорита* исполненія, нежели то, которое онъ предлагаетъ; тогда бы не чувствовалась та неустойчивость, какая характеризуетъ всѣ объясненія автора, направленные на обрисовку дальнѣйшихъ условій художественнаго чтенія:

«примѣненіе извѣстнаго окрашиванія, объективнаго, субъективнаго или индивидуальнаго, къ цѣлому ряду словъ, къ предложению или же къ ряду предложений въ періодѣ, даетъ въ результатѣ тотъ или другой *колоритъ* этого періода» (стр. 117).

Не яснѣе представляется для насъ характеристика, опредѣляющая свойства того декламационнаго явленія, которое авторъ разумѣетъ подъ словомъ «*степень тонирования*»:

«Тогда только художественное тонированіе будетъ осуществлено въ полномъ объемѣ и во всѣхъ частностяхъ, когда всѣ подробности содержанія будутъ уловлены соответственными *увеличеніями* или *уменьшеніями* тонирования».

Какъ въ описаніяхъ и повѣствованіяхъ, такъ и въ изображеніяхъ душевныхъ состояній, подробности содержанія бываютъ крупнѣе или мельче по своему значенію и по своей сущности. Постоянно мѣняясь въ этомъ отношеніи, переходя постепенно или внезапно отъ одного вида къ другому, подробности эти должны быть переданы и соответственными степенями тонирования» (стр. 122).

Если бы рамки настоящей замѣтки позволяли намъ привести нѣсколько страницъ изъ разсматриваемыхъ главъ книги (VIII—XII) — цѣликомъ, мы могли бы легко показать, что причиною указанной неясности въ изложеніи г. Коровяковымъ художественныхъ условій выразительнаго чтенія служитъ также излишество вводимыхъ имъ въ теорію этого искусства терминовъ. Какая, въ самомъ дѣлѣ, надобность во всѣхъ этихъ ладахъ, темпахъ (какъ художественныхъ явленіяхъ), степеняхъ тонирования и пр., *когда теорія не указываетъ, какимъ путемъ возникаютъ въ творческомъ процессѣ декламатора образы и сужденія, порождающіе эти явленія?*

Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ г. Коровякова на счетъ

трояко-виднаго тонированія образцовъ художественной литературы: *объективнаго, субъективнаго и индивидуальнаго* (стр. 105—109). Не говоря уже о неправильности подобой классификаціи тонированій въ виду требованій логики, недопускающей классифицированія признаковъ одного и того же предмета съ различныхъ точекъ зрѣнія, — такое дѣленіе тонированій не выдерживаетъ критики вслѣдствіе еще чисто-спеціальныхъ условій.

Вообще, согласованіе основнаго принципа выразительнаго чтенія, — принципа обращенія письменной рѣчи въ живую, образную, — съ теоріею *объективнаго* тонированія, которое, по мнѣнію г. Коровякова, заключается въ «*тонированіи словъ сообразно сущности выражаемыхъ ими понятій безъ всякаго отношенія къ лицу автора или заступающаго его мѣсто чтеца*» — ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть допущено въ теоріи выразительнаго чтенія. Не трудно представить себѣ, что, если бы чтець любое — даже чисто-эпическое описаніе прочелъ сообразно лишь сущности понятій, выражаемыхъ словами, его составляющими (въ томъ именно смыслѣ, какъ это понимаетъ г. Коровяковъ), то, конечно, подобное исполненіе было-бы очень далекимъ отъ своего идеала, а о какомъ-либо «заступленіи чтецомъ мѣста автора не могло-бы быть и рѣчи». Любое эпическое описаніе заключаетъ въ себѣ намекъ на то *настроеніе*, которое породила въ душѣ поэта картина природы, составляющая сюжетъ даднаго описанія; и задача чтеца, какъ замѣстителя автора заключается прежде всего въ томъ, чтобы отгадать, художественно воспроизвести и вызвать затѣмъ въ душѣ слушателя настроеніе, подобное авторскому. Въ процессъ художественнаго творчества декламатора это настроеніе отоляется въ форму такъ называемаго *колорита* исполненія (см. стр. настоящей книги); тонированіе же сообразно сущности понятій, выражаемыхъ словами, представить собою лишь ту детальную, такъ сказать, лѣпную работу, безъ которой опять-таки никакое декламационное исполненіе не можетъ считаться совершеннымъ...

Проповѣдывать *объективное* тонированіе въ искусствѣ выразительнаго чтенія, такъ же, по нашему мнѣнію, неосновательно,

какъ утверждать въ теоріи словесности, что эпическая поэзія есть поэзія объективная... Мы даже думаемъ, что подобное именно утвержденіе и повинно въ теоріи того объективнаго тонированія, которое въ «руководствахъ» выразительнаго чтенія зачастую предлагается какъ наиболѣе соотвѣтствующее декламационному исполненію эпическихъ произведеній... Мы всегда будемъ утверждать, что всякое тонированіе, употребляемое въ искусствѣ выразительнаго чтенія, прежде всего *субъективно*; оно (т. е. тонированіе) можетъ быть 1) *общимъ*, когда въ литературномъ произведеніи, служащемъ матеріаломъ для чтенія, нѣтъ указаній на необходимость вести это чтеніе въ тонѣ извѣстнаго лица, 2) *индивидуальнымъ* или *драматическимъ* (обратное первому) и, наконецъ, 3) *смѣшаннымъ*, представляющимъ собою комбинацію первыхъ двухъ,—но ни въ коемъ случаѣ не *объективнымъ* *).

Изъ сказаннаго здѣсь о книгѣ г. Коровякова можно заключить, что авторъ ея, дѣйствительно, не всегда находился на высотѣ принципа, положеннаго имъ въ основаніе его «опыта», что впрочемъ, только въ незначительной степени умаляетъ общее значеніе этого опыта. Въ самомъ дѣлѣ, русская литература такъ бѣдна сочиненіями по теоріи выразительнаго чтенія (какъ и вообще по теоріи искусства), что въ виду уже одного этого книга г. Коровякова, въ цѣломъ представляющая все же довольно удачную попытку систематическаго изложенія теоретическихъ требованій выразительнаго чтенія во всемъ его объемѣ,—пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ серьезное значеніе. Но эта книга, вдобавокъ, обладаетъ такими еще несомнѣнными достоинствами, какъ успѣшно разработанные отдѣлы техническихъ и логическихъ условій декламации, обиліе вопросовъ, такъ или иначе разрѣшаемыхъ авторомъ, а, главное, широта его художественныхъ взглядовъ при несомнѣнной любви его къ излагаемому предмету,—что дѣлаетъ трудъ г. Коровякова явленіемъ прямо-таки выдающимся въ русской художественно-педагогической литературѣ послѣднихъ лѣтъ.

*) Подробно объ этомъ см. стр. 63—65 и 74 настоящей книги.